

DOI 10.15826/qr.2017.1.219

УДК 94(470)"16/18"+316.344.43(470)+391

РАННЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПЕТРА I: ПАТРИК ГОРДОН И ФРАНЦ ЛЕФОРТ В КОНЦЕ XVII В.*

Николай Петрухинцев

Российская академия народного хозяйства
и государственного управления при Президенте РФ,
Липецкий филиал,
Липецк, Россия

EARLY EUROPEAN INFLUENCES ON PETER THE GREAT: PATRICK GORDON AND FRANZ LEFORT AT THE END OF THE 17TH CENTURY**

Nikolay Petrukhintsev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Lipetsk Branch,
Lipetsk, Russia

The author examines issues connected with the expansion of European influence on the Russian elite in the late 17th century with reference to Tsar Peter I. Describing the early stages of the foreign influence on Peter the Great, the author argues that Peter's Europeanisation became noticeable a lot later than was previously thought (i. e., when he was turning into a young man and after the dynastic crisis of 1689). An analysis of concomitant events contradicts the stereotypes still present in popular books on the history of the period, according to which the young ruler's outlook was formed under the influence of Franz Lefort and Patrick Gordon. They were favourites of V. V. Golitsyn, a leader of a long-lived group in opposition to Peter I. As a result of this (and also because of their status as foreign officers completely dependent on the state), they

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17-01-00389/а.

** *Citation*: Petrukhintsev, N. (2017). Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219.

Цитирование: Petrukhintsev N. Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219 / Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219.

did not seek any closer contacts with the young tsar. It was only after the dynastic crisis ended well for Peter I in 1689 that there was a turning point in their relationship with the tsar. Due to these factors, the first signs of the Europeanisation of Peter's everyday life became noticeable at around this time: this can be seen in changes to his clothing and in his behaviour.

Keywords: Peter I; European influence; Patrick Gordon; Franz Lefort; V. V. Golitsyn; German Quarter; Patriarch Joachim; Europeanisation of everyday life; "German dress".

Рассматриваются проблемы распространения европейского влияния в среде русской элиты в конце XVII в. на примере европеизации ее главы – русского царя Петра I. Автор, характеризуя ранние этапы «иноземного» влияния на царя, приходит к выводу, что заметная внешне европеизация Петра началась позднее, чем это обычно представлялось, – лишь на грани его юности и молодости, после династического кризиса 1689 г. Анализ связанных с этим событий не подтверждает все еще распространенного в популярных изданиях стереотипного представления о раннем влиянии на молодого государя Франца Лефорта и Патрика Гордона, которые долгое время были фаворитами В. В. Голицына (одного из лидеров оппозиционной Петру I группировки), и в силу этого, а также в силу особенностей их карьеры и положения как представителей целиком зависимого от государства слоя иноземного офицерства отнюдь не стремились к сближению с молодым царем. Лишь благополучный для царя исход династического кризиса в сентябре 1689 г. стал поворотным пунктом в их отношениях с государем и привел к стремительному сближению с ним, а также к ставшему его следствием началу заметной именно с этого времени европеизации быта Петра, которая прослеживается автором по материалам, свидетельствующим об изменениях в его одежде и поведении.

Ключевые слова: Петр I; европейское влияние; Патрик Гордон; Франц Лефорт; В. В. Голицын; Немецкая слобода; патриарх Иоаким; бытовая европеизация; «немецкое платье».

Европеизация русской элиты, особенно заметная с XVIII в., во многом началась «сверху» и в определенной степени была результатом усилий и воли Петра I. Но когда начался процесс европеизации самого Петра?

Этот вопрос во многом остается открытым, и на нем, как правило, не акцентируется внимание. Желание видеть «самого европейского» царя склонным к усвоению европейского опыта едва ли не с колыбели приводит к преувеличению значения единичных фактов, связанных с европейскими влияниями в его детстве – например, европеизированных театральных представлений, устраивавшихся в Преображенском при жизни Алексея Михайловича, когда Петру было всего два-три года, и он вряд ли мог вполне осознавать происходящее

[Богословский, с. 21; Бушкович, с. 80, ссылка 39]. В силу этого до сих пор сохраняются стереотипные представления о ранней европеизации Петра I, подвергшиеся обоснованной критике уже первым серьезным биографом Петра Н. Г. Устряловым [Устрялов, с. 7–26].

Они периодически всплывают и в наше время – даже в недавней в целом добротной работе Е. Ю. Болтуновой о петровской гвардии вдруг реанимируется давно развенчанный Н. Г. Устряловым и автором классических работ по истории гвардии П. О. Бобровским миф о раннем формировании гвардейских полков и о том, что их первым командиром (по крайней мере, с 1687 г.) был Франсуа Лефорт, даже вопреки очевидному факту участия последнего в это время в первом Крымском походе [Болтунова, с. 38; Бобровский, 1900а, с. 177, 189–197]. Желание «удревнить» влияние Лефорта на юношу-Петра неудивительно – почти общепризнанно, что именно он вкупе с известным Патриком Гордоном оказал решающее воздействие в «повороте Петра к Европе», корни которого нам хочется видеть уже в детстве царя. Однако представление о ранней европеизации Петра наталкивается на очевидные несообразности.

Во-первых, и в 1682, и в 1689 г. на стороне Петра оказывалась скорее традиционалистская группировка русской знати, поддержанная патриархом Иоакимом, во всяком случае, гораздо более «фундаменталистская» и менее склонная к европейским влияниям, чем окружение В. В. Голицына. Эту группировку скорее могли оттолкнуть европеизированный облик и наклонности Петра-ребенка.

Во-вторых, после короткого периода европейских культурных влияний в последние годы жизни Алексея Михайловича Петр оказался надолго отлучен от активной жизни «большого двора» брата Федора Алексеевича с начатой при нем частичной и непоследовательной европеизацией, ориентированной скорее на наиболее близкий польский образец [Седов, с. 491–550]. Петр рос в первую очередь в окружении ближайших родственников по материнской линии, происходивших из тесно связанной с провинциальным дворянством династии стрелецких полковников. Его прадед Полуэкт Иванович Нарышкин после Смуты принадлежал к «городовому» провинциальному дворянству и служил в «выборе» по Тарусе, а его дети входили в жилецкий список низших чинов государева двора [Бушкович, с. 63; Романов, с. 96]. Краткое вхождение Нарышкиных в верхи русской элиты (1672 – весна 1676 г.) вряд ли могло серьезно поколебать в них традиционалистскую психологию этого социального слоя, не отличавшегося особенной любовью к иноземцам. Это отчетливо демонстрирует поведение двоюродного деда Петра Ф. П. Нарышкина во время приезда в Архангельск в 1675 г. группы иноземных офицеров – той самой, в составе которой в Россию въехал Ф. Лефорт. Архангельский воевода, отказывавшийся пропускать офицеров в Россию и грозившийся сослать их в Сибирь, показался Лефорту «хуже самого дьявола» [Мышлаевский,

с. 635–643; Лефорт, с. 44¹). Так что Петр в детстве получил, скорее всего, традиционное воспитание, частью которого стало прекрасное знание православной традиции и церковных служб, на которых он вместе с собственным хором певчих лично пел вплоть до самого конца жизни, при обнаружившемся уже довольно рано равнодушии к европейской музыке.

В-третьих, источники практически не фиксируют ранних контактов Петра I с иностранцами. Свод выписок из дворцовых архивов, подготовленный Г. В. Есиповым и дополненный П. О. Бобровским, практически не содержит сведений о ранних контактах Петра с иностранцами или об иностранном влиянии на него вплоть до 1688 г. [Есипов; Бобровский, т. 1, прим., с. 1–202]. До это времени можно говорить лишь о случайных эпизодах его соприкосновения с иностранцами – они отмечены единичными пожалованиями сукна капитану выборного полка Аггея Шепелева пруссаку Симону Зоммеру за стрельбы в Преображенском при молодых царях 19 июня 1684 г., а также аптекарю Петру Пилю и лекарю Ягану Термонту за участие в 1683–1684 гг. в Троицких походах (за сопровождение Петра в традиционных осенних выездах в Троице-Сергиев монастырь) [Бобровский, т. 1, прим., с. 39].

Похоже, единственным каналом иностранного влияния на Петра I вплоть до лета 1688 г. была только среда иностранных медиков – по собственным словам царя, именно врач Захарий фан дер Гульст (не ранее 15 мая², а возможно, и после 20–21 июня 1688 г.³ порекомендовал ему голландца Франца Тиммермана как специалиста по обращению с привезенными из посольства во Францию князем Я. Ф. Долгоруким астролябией и готовальной с циркулями. Тиммерман начал преподавать молодому царю математику и фактически стал первым иностранцем, вошедшим в ближнее окружение царя («через сей случай стал при дворе быть безпрестанно и в компаниях с нами» (цит. по: [Устрялов, с. 18])). Именно он после находки ботика в Измайлове порекомендовал Петру для его починки своего соотечественника мастера Карстена Бранта, который тоже оказался связан с «медицинским» окружением царя. По словам самого Петра, Карстен Брант и лекарь Иоганн (Яган) Термонт (Тормонт), когда-то служившие вместе на первом русском корабле «Орел», счастливо избежали смерти от рук разинцев и (возможно, после скитаний по Персии – скорее всего, по ее кавказским владениям) смогли вернуться в Москву⁴. Следовательно, история «волжского» кораблестроения его отца

¹ Письмо Ф. Я. Лефорта брату Ами от 5 сентября 1676 г.

² Я. Ф. Долгоруков вернулся в Москву 15 мая 1688 г. [Устрялов, с. 18, прим. 35].

³ Именно в это время П. Гордон ездил поздравлять вернувшегося в Москву Я. Ф. Долгорукова, а через день в город вернулся Петр I [Гордон, 2009, с. 170, 176].

⁴ «А двое из них, лекарь Иван Тормонт и корабельный плотник и констапель Карстерс Брант, по усмирении бунта возвратились к Москве, и лекарь пристал к доктору Симону Зомеру, а Карштен Брант кормился столярною работою даже до нашего времени...» [Устрялов, с. 398].

была, вероятно, известна Петру уже в юности и со слов ее непосредственных очевидцев и участников.

Тесные контакты Петра с иноземным окружением начались не ранее лета 1688 г., когда ему было не менее 16 лет. Одними из первых таких иностранцев были маловлиятельные и, видимо, заметно обрусевшие голландцы Карстен Брант и Франц Тиммерман, уже давно жившие в России (Тиммерман – с 1664 г.; Брант – по меньшей мере с 1669 г.) [Устрялов, с. 352, 236; ДАИ, с. 263, 270]. Они участвовали в первом самостоятельном «проекте» Петра – строительстве потешного корабля в Преображенском в июне-сентябре 1689 г. Работы не прервал даже августовский правительственный кризис: 20 августа Петр из-под Троицы отдает распоряжение Приказу Большого дворца обеспечить строительство всем необходимым и кормить из дворцовых запасов «иноземца, что у корабельного дела» [Бобровский, т. 1, прим., с. 29–30]. Никакого сонма других иностранцев, и уж тем паче Франца Лефорта и Патрика Гордона, в 1687–1689 г. рядом с Петром не было и быть не могло по той простой причине, что последние, будучи фаворитами В. В. Голицына, обеспечившего им карьеру в предыдущее десятилетие, в тот момент принадлежали к противоположной партии царевны Софьи.

Патрик Гордон и Франсуа Лефорт – фавориты В. В. Голицына

Известно, что ранняя стадия «русской» карьеры Патрика Гордона была определена не столько его военными заслугами (в боевых действиях Русско-польской войны 1654–1667 гг. столичный тыловой офицер Гордон почти не участвовал), сколько удачной брачной стратегией в офицерской среде Немецкой слободы и дружескими связями с шотландской верхушкой иноземного генералитета того времени. В первую очередь карьеру обеспечил брачный союз с «полковничьим» родом фон Бокховенов, тесно связанных с царским тестем и главой Иноземного приказа И. Д. Милославским [Петрухинцев, 2014а, с. 273–274, 282]. Вероятно, апоплексический удар, полученный И. Д. Милославским 1 октября 1665 г., после которого боярин и царский тесть потерял дееспособность и выпал из состава российской элиты (перестав после 1666–1667 г. упоминаться в боярских списках, хотя был жив до 1688 г.), повлиял и на судьбу патронируемого им клана Бокховенов и самого Гордона, зятя генерал-майора Филиппа Альберта ван Бокховена [Гордон, 2003, с. 161; Рое, р. 423].

После возвращения из Англии летом 1667 г. в карьере Гордона наметился заметный спад: в 1668 г. он был отправлен из столицы на службу в Белгородский разряд и почти на десять лет стал одним из многочисленных рядовых провинциальных полковников [Гордон, 2005, с. 100–101; Гордон, 2014, с. 124]. Он получил под команду даже

не престижный рейтарский или обычный солдатский, а фактически «полумилиционный» полк комарицких «поселенных» драгун [Гордон, 2005, с. 126] – один из первых полков «нового строя», созданных на заре военной реформы Алексея Михайловича в 1645–1646 гг. [Петрухинцев, 2013, с. 502–523]. Гордон надолго осел в Севске, обзаведясь здесь в 1671–1672 г. собственным двором и, возможно, утратив жилье в Немецкой слободе Москвы [Гордон, 2005, с. 128]. Одной из причин ослабления связей со столицей могла стать и смерть его первой жены Катарины фон Бокховен в 1671–1672 гг.

В это десятилетие П. Гордон постепенно погружался в среду провинциальных иноземных полковников, не сулившую блестящих перспектив в карьере. Новое окружение формировало и его новые родственные связи: вторым браком он женился в 1673 г. на Элизабет Ронаэр, дочери севского полковника Якоба Ронаэра (Ронорта) [Гордон, 2014, с. 487]. Старшая дочь Гордона от Катерины фон Бокховен Кэтрин Элизабет в 1682 г. в 17-летнем возрасте вышла замуж за Рудольфа (Родиона) Штрасбурга, сына происходившего из Лифляндии и погибшего в 1664 г. при попытке штурма Чигирина лихого полковника Иоганна Штрасбурга, служба которого тоже проходила в Белгородском и Севском разрядах [Гордон, 2003, с. 122, 130, 139, 144]. В ближайшее окружение Гордона входили севские полковники шотландец Юрий (Джордж) Скотт и лифляндец Юрий фон Менгден (Юрья Фамендин), остававшиеся в Белгородском разряде до начала 1690-х гг. Менгден лишь 30 марта 1692 г. был отозван в Москву, и именно он (вероятно, по рекомендации Гордона) был назначен первым командиром только что сформированного Преображенского полка [Устрялов, с. 355, прим. 28; Бобровский, т. 1, с. 196].

Гордон в этой ситуации рисковал остаться обычным рядовым иноземным полковником, затерявшимся в русской провинции. Только руководство героической обороной Чигирина в 1678 г. стало стартом для нового витка его карьеры – оно выделило его из провинциальной среды, ввело в состав немногочисленного российского генералитета (за оборону Чигирина Гордон был произведен в генерал-майоры) и обеспечило пост киевского коменданта, вводивший его в круг российской и украинской элиты, связанной с управлением Украиной и Киевом. Тогда же, видимо, началось и его тесное сближение с В. В. Голицыным.

Впрочем, еще до Чигирина в январе 1677 г. Гордон в Москве был приглашен на обед к В. В. Голицыну, но не смог пойти из-за болезни; затем в феврале встречался с ним в Слободе на свадьбе своего друга полковника Пола Менезиса, а в июне со своим полком уже встречал князя на подъезде к Севску и на следующий день (по желанию самого Голицына) принимал его в своем севском доме [Гордон, 2005, с. 6–7, 10–11]. Голицыну, видимо, там так понравилось, что впоследствии он на время своего похода в 1681 г. сделал дом Гордона, конфискованный казной после его перевода в Киев, своей временной

резиденцией [Гордон, 2005, с. 127–128]. Но дальнейшие контакты с князем во время кампании 1677 г. осложнились соперничеством В. В. Голицына и непосредственного начальника Гордона долголетнего главы Белгородского разряда боярина Г. Г. Ромодановского, хотя по окончании похода Гордон все-таки проводил Голицына по его отъезде из Севска [Там же, с. 28–29]. В декабре 1677 г. Гордон при посредничестве Голицына добился разрешения на приезд в Москву и, вероятно, навещил там князя в январе 1678 г. в числе «главных бояр и советников, с коими имел знакомство» [Там же, с. 30, 32]. Может быть, и назначение Гордона комендантом Чигирина в кампании 1678 г. состоялось не без влияния или же одобрения Голицына.

К сожалению, из-за утраты «киевского» дневника 1679–1683 гг. следующие стадии сближения генерала и политика нам неизвестны, но уже в январе 1684 г. по приезде в Москву Гордон первым делом навещает В. В. Голицына и встречает самый любезный прием [Гордон, 2009, с. 6].

С этого момента Гордон является ближайшим советником В. В. Голицына по украинским делам и осторожно склоняет боярина, пока не слишком настроенного на войну против Турции, к вступлению в Священную лигу и в Русско-турецкую войну. Фактически именно Гордон тогда же становится одним из главных инициаторов Крымских походов. 17 января 1684 г. он подает Голицыну меморандум, вторая часть которого подводила к мысли о вхождении в Священную лигу и выдвигала идею Крымского похода, чуть ранее (в мае 1683 г.) уже озвученную польским посольством Я. Зембоцкого в Москве, переговоры с которым тоже вел Голицын [Кочегаров, с. 161–162]. Гордон считал, что будет достаточно 40 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы для завоевания Крыма в течение одного или двух лет [Гордон, 2009, с. 7–11]. Через неделю в Москву въезжает австрийское посольство, начавшее 29 января 1684 г. переговоры с Голицыным, которые, вероятно, сопровождаются новыми консультациями последнего с Гордоном. Он добивается в эти дни от Голицына не только компенсации за свой севский дом, но и указа о разрешении католического богослужения в России [Там же, с. 12].

Характерно, что П. Гордон в эти же январские дни 1684 г. под благовидными предложениями активно уклоняется от предложенного В. В. Голицыным визита к заболевшему оспой юноше Петру I, пытаясь ограничиться поездкой к обоим государям сразу. В конце концов он наносит визит лишь Ивану Алексеевичу, только что отпраздновавшему свою свадьбу с П. Ф. Салтыковой, дававшую группировке Софьи шанс на появление наследника мужского пола по линии царя Ивана, и при этом удостоивается аудиенции у самой Софьи, поблагодарившей его за службу [Там же, с. 11–12].

Подобная позиция П. Гордона вполне естественна – принадлежа к группировке В. В. Голицына, державшего, к тому же, в тот момент основные нити управления военными ведомствами и армией, он

отнюдь не стремился к установлению контактов с Петром, который имел в 1684–1685 гг. крайне сомнительные шансы на успех, и сближение с ним могло ухудшить положение Гордона в России.

Именно В. В. Голицын добился для П. Гордона в конце 1685 г. последнего в его жизни полугодового отпуска на родину, которого тот настойчиво требовал, после того как получил 23 апреля 1685 г. в Киеве известие о восшествии на английский престол короля-католика [Гордон, 2009, с. 60, 62–66, 85]⁵. Во время поездки в Англию в апреле-мае 1686 г., где П. Гордон при посредничестве старого сослуживца и патрона на старте его «русской» карьеры генерала У. Драммонда не менее десяти раз лично встречался и беседовал с королем Яковом II Стюартом (Джеймсом II английским и Джеймсом VII шотландским), перед ним развернулись неплохие стартовые позиции для карьеры на родине [Там же, с. 103–110]. Поэтому по возвращении в Москву он начал настойчиво добиваться отпуска из русской службы (с которой, надо сказать, он никогда не связывал свои жизненные перспективы, вовсе не стремясь окончательно осесть в России). Гордон, к тому же, очевидно, уже прекрасно осознавал нарастающую нестабильность ситуации в России и связанные с ней чрезвычайные риски для него самого в связи с близостью к партии В. В. Голицына и Софьи [Там же, с. 128].

Но требование отставки, высказанное в конце сентября 1686 г. после того, как была получена и переведена на русский язык грамота Джеймса II с просьбой об отпуске Гордона с русской службы, привело к острейшему полуторамесячному кризису в отношениях с его главным патроном В. В. Голицыным. Конфликт развернулся в конце октября – ноябре 1686 г. и закончился капитуляцией генерала и крушением надежд на английскую карьеру Гордона, «весьма удрученного» «причиненной мне великой несправедливостью и обидой» [Там же, с. 128–130].

Однако решение не отпускать Гордона было отнюдь не только капризом Голицына или же следствием «деспотической» политики российского правительства, затруднявшей отпуск иностранцев с русской службы и тем самым ограничивавшей их свободу. В данном конфликте прав был скорее В. В. Голицын, занятый именно в эти дни острой борьбой вокруг вопроса о военном руководстве предстоящей кампанией и подвергающийся жестким атакам в Думе за выбранную им внешнеполитическую ориентацию [Бушкович, с. 153–154]. Он, очевидно, справедливо считал, что Гордон как один из инициаторов нового внешнеполитического курса и автор идеи Крымских походов должен был разделить ответственность за его реализацию на практике. Кроме того, Голицын нуждался в Гордоне как в военном специалисте.

---

⁵ Голицын при отъезде Гордона в январе 1686 г., по словам последнего, «просил меня скоро возвращаться, не губить его – моего ручателя и писать к нему с каждой почтой» [Гордон, 2009, с. 87].

Ущерб был отчасти компенсирован Гордону новым взлетом его военной карьеры: он был отозван из Киева в Москву (чего он безуспешно добивался еще в 1684 г.) и 3 января 1687 г. получил командование вторым из двух «выборных» (гвардейских) полков, которыми до этого командовали почти исключительно русские [Гордон, 2009, с. 134; Малов, с. 111–118]⁶. По возвращении из похода 11 сентября 1687 г. Гордон был произведен в генералы [Гордон, 2009, с. 157].

Фаворит В. В. Голицына все это время отнюдь не стремился к контактам с Петром. Об этом говорит даже словоупотребление Гордона. Его дневник за 1684–1687 г. содержит по меньшей мере 37 упоминаний о юных монархах. В 84 % случаев (в 31 эпизоде) это безликая формула «их величества», «цари», «императоры». «Младший император» или «младший царь» за целых четыре года упоминается в дневнике лишь в пяти случаях (за последние два года (1686–1687) – всего дважды), при этом Гордон ни разу не называет Петра по имени. В первый раз «царь Петр Алексеевич» появляется в дневнике Гордона лишь 21 июня 1688 г., но даже в этот момент о каких-то личных контактах с ним речь не идет.

Схожую картину нам демонстрирует и образ действий Франсуа Лефорта, который, прибыв в Россию в 1675 г., выстраивал подобную стратегию карьерного поведения. Не имея до приезда в Россию серьезного военного опыта и даже младшего офицерского чина, он не сразу был принят на службу. Начало его военной карьеры тоже было определено брачной стратегией. Еще в 1676 г. Лефорт мог породниться с влиятельным и старейшим полковничьим кланом Крофуордов [Лефорт, с. 45]. Однако срыв этой комбинации по причине запрета родными Лефорта этого брака, смерть невесты, а затем и ее отца, а также собственные продолжительные болезни помешали Лефорту вступить на военную службу уже в 1677 г. Он был принят на нее в чине капитана лишь в конце лета 1678 г., после того, как женился на дочери умершего подполковника Франсуа Суэ, француза из Меца в Лотарингии. Мать невесты была сестрой первого тестя Гордона генерал-майора Филиппа фон Бокховена и крестной матерью его первой дочери Кэтрин Элизабет [Лефорт, с. 46–54; Гордон, 2003, с. 161]. На выбор Лефорта, как в свое время на выбор Гордона, могла повлиять и языковая близость: невеста, дочь чуть ли не единственного французского офицера, состоявшего на русской службе⁷, как показывает ее письмо матери Лефорта, владела французским языком, пожалуй, лучше своего мужа [Лефорт, с. 58].

После женитьбы и вступления на службу Лефорт, как и Гордон, оказался включен в систему кланово-патронажных связей в среде иноземного офицерства. П. Гордон, только что произведенный в ге-

⁶ Командование будущим Бутырским полком в 1685–1686 гг. Алексеем Бюстом А. В. Маловым, судя по всему, не подтверждается.

⁷ Как отмечал сам Лефорт, в 1676 г. в Немецкой слободе было лишь три француза, приехавших с ним (письмо Лефорта брату Ами от 5 сентября 1676 г.) [Лефорт, с. 44].

нерал-майоры, затребовал 21 ноября 1678 г. нового родственника под свою команду в гарнизон Киева, где тот прослужил более трех лет [Гордон, 2005, с. 122]. Вместе с гордоновским кланом, частью которого он стал, Лефорт делал карьеру в первую очередь благодаря патронажу В. В. Голицына. Особенно наглядно это проявилось во время первого Крымского похода 1687 г. Как писал сам Лефорт, «я не покидал его [В. В. Голицына] в течение всей кампании и даже возвращался с ним вплоть до ворот его дома, где он прочувственно благодарил нас троих-четверых и даже сказал, что если он останется в милости, мы тоже почувствуем на себе милость его величества» [Лефорт, с. 91]⁸. Среди этих троих был и зять П. Гордона подполковник Родион Штрасбург, пожалованный в полковники на следующий день после производства Гордона в полные генералы одновременно с Ф. Лефортом [Там же, с. 91, 90]. В тот момент Ф. Лефорт вряд ли стремился к личным контактам с Петром I: их общение осенью 1687 г. ограничилось короткой официальной аудиенцией с целованием руки царя [Там же, с. 91].

Однако карьерная стратегия Лефорта, делавшего, в отличие от Гордона, ставку на продвижение по службе именно в России, отличалась большей гибкостью. Он с самого начала ориентировался не только на клановые связи в полковничьей среде иноземного офицерства, но и на личные контакты с представителями русской знати.

Немецкая слобода уже с самого возникновения не была замкнутым миром. Русская аристократия навещалась сюда задолго до Петра. Секретарь датского посольства Андрей Родэ в 1659 г. встречался там с князем Ю. И. Ромодановским [Описание второго посольства, с. 29]. 12 февраля 1677 г. князя Голицыны и «молодой Долгорукий» присутствовали на свадьбе друга Гордона полковника Пола Менезиса с вдовой Питера Марселиса. В 1685 г. все знатные русские вельможи и князя В. В. и Б. А. Голицыны обедали здесь у тесно связанного с Лефортом комиссара Г. Бутенанта и иезуита Э. фон Гартмана [Гордон, 2005, с. 7; Лефорт, с. 77⁹]. Лефорт уже в 1678 г. опирался не только на брачные связи с Бокховенами и Гордоном, но и на личные контакты с князьями Голицыными (возможно, как раз и завязавшиеся в Слободе в 1677 г.), тоже способствовавшие принятию его на службу [Лефорт, с. 91¹⁰]. В. В. Голицын в 1681 г. добился для Лефорта отпуска на родину и обещал ему по возвращении продвижение по службе [Там же, с. 91¹¹]. Вероятно, именно он (но только после занятия ключевых позиций в управлении страной осенью 1682 г.) добился производства Лефорта в 1683–1684 г. в майоры, а затем и в подполковники. Последний поэтому не так жестко зависел от клана Гордона и был гораздо свободнее в выборе связей и в стратегии карьерного поведения. Уже в 1685 г. он выбирал между двумя братьями, принадлежащими

⁸ Письмо Лефорта брату Ами от 1 октября 1687 г.

⁹ Письмо Лефорта брату Ами от 1 марта 1685 г.

¹⁰ Письмо Лефорта матери от 23 июля 1678 г.

¹¹ Письмо Лефорта брату Ами от 1 сентября 1681 г.

к разным лагерям, и едва не согласился на вариант Б. А. Голицына, предлагавшего ему скорое производство в полковники в рейтарском полку, подчиненном Казанскому дворцу, находившемуся под его руководством [Там же, с. 76–77¹²].

В конечном счете Лефорт предпочел покровительство более влиятельного В. В. Голицына, но не порвал связей и с князем Борисом Алексеевичем. Известная рекомендательная грамота 1686 г. В. В. Голицыну в пользу Лефорта от Женевской республики, пересланная к нему в Крымский поход Г. Бутенантом, имела своего «двойника», адресованного Б. А. Голицыну и переданного ему тем же Бутенантом уже в Москве [Там же, с. 86–87, 90–91]. Кроме того, Ф. Лефорт уже в 1687 г. имел тесные связи с князем Яковом Федоровичем Долгоруковым, часто посещавшим его с братьями (очевидно, Григорием, Борисом и Лукой Федоровичами) в Немецкой слободе [Там же, с. 89] и тоже скорее принадлежавшим к группировке, ориентировавшейся на Петра и враждебной В. В. Голицыну.

Дневник Гордона на этот момент не фиксирует ни одного визита Петра в Немецкую слободу, но, возможно, первые посещения царя состоялись еще до лета 1689 г. – по показаниям стрелецкого капитана Филиппа Сапогова, по его возвращении из второго Крымского похода (то есть не ранее июля 1689 г.): «Федор Шакловитой говорил и про государя... Петра Алексеевича: *пьет де, и на Кокуй ездит*, и своими руками потешных конюхов кнутом бьет, и никоими де мерами в соединение и мир привести нельзя для того, что пьет допьяна» [Розыскные дела, ст. 31]. Скорее всего, это были единичные приезды к Ф. Тиммерману или К. Бранту, но в накаленной и крайне неопределенной обстановке не исключены были и первые осторожные контакты царя в Слободе и с Ф. Лефортом через посредство склонного к подобному бражничанью Б. А. Голицына. Однако близкий к семье Петра (женатый на сестре его жены) князь Б. И. Куракин определенно свидетельствует, что активные связи царя с Немецкой слободой начались только после Троицкого похода августа-сентября 1689 г.: «...по приходе к Москве начал его величество в слободу ездить чрез предвождение его ж, князя Бориса Алексеевича Голицына» [Куракин, с. 62]. Тем не менее, вероятно, именно Лефорт, имевший большую свободу для маневра, чем П. Гордон, способствовал завязыванию первых осторожных связей Гордона с группировкой Петра, начавшихся только в промежутке между первым и вторым Крымскими походами.

Именно после своего первого обеда в подмосковном имении Б. А. Голицына 25 июля 1688 г. П. Гордон, несмотря на недовольство В. В. Голицына, только с начала сентября 1688 г. стал откликаться на первые просьбы Петра о присылке солдат его Бутырского полка в начавшие формироваться тогда в Преображенском потешные части [Гордон, 2009, с. 172, 174, 175]. Однако даже тогда ни он, ни Ф. Лефорт с Петром не контактировали и в обучении «потешных» лично

¹² Письмо Лефорта брату Ами от 1 марта 1685 г.

не участвовали – иначе Петру не пришлось бы выяснять иерархию между сержантами и писарями полка у пьяного стряпчего Анкудина [Там же, с. 176]. Только 17 сентября 1688 г. Петр встречается с Гордоном на дороге из Преображенского и осведомляется о его здравии [Там же, с. 175], после чего вплоть до выступления во второй Крымский поход их контакты прерываются, и Гордон проводит время в компаниях сторонников В. В. Голицына [Там же, с. 176, 177, 178, 184]. По возвращении из этого похода Гордон даже не был допущен в Преображенское благодарить Петра за награды [Там же, с. 201].

Гордон и Лефорт до династического кризиса не только не были наперсниками и учителями Петра, но как активные фавориты В. В. Голицына, видимо, сознательно избегали личных контактов с ним. Изменил ситуацию лишь династический кризис лета 1689 г.

Династический кризис и начало инострannого влияния на Петра I

Августовский кризис 1689 г. не был неожиданностью, но, вероятно, рассматривался российским обществом в первую очередь как «семейная ссора» – ни стрельцы, ни основная масса дворянства, ни тем паче иноземное офицерство не хотели активно участвовать в конфликте и в большинстве своем заняли выжидательную позицию, не вмешиваясь активно в события ни на стороне Софьи, ни на стороне Петра. Однако чаша весов постепенно начала склоняться на сторону Петра, что вынуждало определяться и группировку Гордона и Лефорта. Впрочем, иноземное офицерство вряд ли могло оказать решающее влияние на события: полки «нового строя» базировались в основном в провинции и по окончании кампании 28 июня 1689 г. были распущены по домам [Гордон, 2009, с. 199]. Исключение, видимо, составляли выборные полки, расквартированные в столице, в том числе и Бутырский полк Гордона, который, однако, группировка Софьи даже не пыталась ввести в дело, добиваясь лишь его нейтралитета [Там же, с. 203, 204].

4 сентября 1689 г., когда перевес сил уже вполне определенно оказался на стороне Петра, постепенно перетянувшего к себе к 31 августа – 1 сентября ядро стрелецкого гарнизона столицы, Гордон наконец сделал выбор: получив ультиматум Петра, он решил уйти на его сторону и увлек за собой значительную часть полковников и офицеров Немецкой слободы [Там же, с. 207]. Для него как представителя клана иноземных офицеров, живущего на государево жалование и не имеющего других источников дохода, это было вопросом самосохранения и выживания, и он предпочел оставить своего бывшего патрона, перейдя к Петру. Вечером 7 сентября 1689 г. по прибытии В. В. Голицына в Троицу он, видимо, даже не сделал попытки подъехать и переговорить с ним [Там же, с. 209].

Гордон, однако, прекрасно понимал, что как бывший фаворит В. В. Голицына он вызывает вполне справедливое недоверие у ближайшего окружения Петра. Единственным спасением и средством сохранить свое положение для него могло стать лишь сближение с самим Петром.

Но оно началось лишь 14 сентября 1689 г., спустя почти две недели после приезда Гордона в Троицу, когда он получил приказ Петра, не спешившего сразу возвращаться в Москву, сопровождать его в Александрову слободу, где прошли недельные военные учения [Гордон, 2009, с. 212–213]. Только тогда, то есть только после прихода Петра к реальной власти, Гордон впервые лично занялся его военным обучением. Таким образом, речь шла вовсе не о бескорыстном интересе к пытливному юноше, а о тривиальной попытке самосохранения в кризисной ситуации, грозившей если не гибелью, то возможной опалой Гордона и Лефорта как фаворитов только что сосланного главы проигравшей борьбу группировки.

Этот момент четко зафиксировал впоследствии князь Б. И. Куракин: «И в ту бытность в Троицком монастыре князь Борис Алексеевич Голицын *тут привел в милость иноземцов*, как Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбурга, Ивана Чамбурса и других многих, то есть *начала вступить в милость и фамилиариту иноземцов*» [Куракин, с. 62] (курсив наш. – Н. П.).

И клан Гордона в короткие сроки (буквально в два-три месяца) сделал все возможное, чтобы заслужить внимание и привлечь интерес юного царя. Те же люди, которые окружали в 1687 г. В. В. Голицына, стремились теперь занять места в ближайшем окружении Петра I. Одним из главных потенциальных фаворитов молодого царя мог стать лишь недавно обласканный В. В. Голицыным зять Гордона полковник Родион Штрасбург, но 27 января 1691 г. он настолько сильно пострадал при взрыве фейерверка, что так и не оправился от болезни и умер спустя год 4 января 1692 г. [Гордон, 2014, с. 71]. Все это время больного Штрасбурга достаточно регулярно навещал Петр (2, 4, 9 февраля, 5 марта, 21 апреля, 8, 20 мая, 22, 25, 30, 31 декабря 1691 г.).

Именно с влиянием окружения Гордона и оказалось связано начало бытовой европеизации Петра.

Разрыв с традицией и конфликт с патриархом Иоакимом

Фактически она (европеизация) началась лишь после династического кризиса уже в Троицком походе и развернулась с поздней осени 1689 г. по возвращении в Москву. Именно тогда стало складываться иноземное окружение Петра и проявились первые зримые признаки смены культурных стандартов и модели поведения царя. Петр начинает окружать себя иноземными предметами одежды и быта, в те же несколько месяцев кардинально меняется и его гардероб.

Если за три предыдущих года (1687 – лето 1689) фиксируются закупки кож лишь на шесть пар сапог для Петра, то только за конец ноября 1689 – март 1690 г. покупается материал как минимум на 39 пар (при

этом 21 из них – «потешная»). Почему-то переодевание Петра начинается именно с обуви: материалы на «потешный» кафтан Петра закупаются только с января 1690 г., и пока в гораздо меньших количествах.

Очевидно, формирование иноземного окружения Петра, начало первой робкой европеизации его быта и проявившийся уже в январе-феврале 1690 г. неожиданный разрыв с вполне традиционной прежней моделью воспитания молодого царя оказываются неприятным сюрпризом для в основном традиционалистской его «партии», не ожидавшей такого резкого поворота в его поведении. Недовольство этим поворотом высказал незадолго до своей смерти патриарх Иоаким.

Особенно отчетливо оно вылилось в хрестоматийно известном его завещании, подписанном в день смерти 17 марта 1690 г. В нем патриарх предостерегал государей от увлечения иноземными обычаями и обрушивался с инвективами против иноземцев, в первую очередь против руководящей роли их в армии [Устрялов, с. 473–476]. Патриарх, придерживавшийся традиционного православия и считавший важным фактором военных побед небесное заступничество христианских святых, выступал против иноземных офицеров, в большинстве своем протестантов, не признававших икон и лишенных этого покровительства [Там же, с. 474].

Но религиозный мотив был далеко не единственным в поведении Иоакима. Решающую роль играли его позиция по отношению к армии и оценка внутривластной ситуации.

Патриарх, в миру Иван Большой Петрович Савелов, Можайский дворянин из рода царских сокольников, пробившийся через службу в придворном ведомстве в низы государева двора, принадлежал к первому слою русского офицерства полков «нового строя». Он делал военную карьеру с самых первых стадий военной реформы Алексея Михайловича: уже в 1649–1650 гг. одним из 26 стряпчих он записался в первый рейтарский полк И. фан Буковена, который стал школой русских офицерских кадров, и около трех лет служил рядовым рейтаром. В 1653 г. он был произведен в поручики и направлен в полк Юрия Гутцына – один из четырех самых первых «двухтысячных» солдатских полков, формируемых пока лишь на юге России [Булычев, с. 33]. С началом Русско-польской войны полк в феврале 1654 г. был переброшен в гарнизон Киева [Петрухинцев, 2014а, с. 117], а уже 3 марта 1654 г. И. П. Савелов был произведен в капитаны [Булычев, с. 34]. Возможно, он участвовал в осеннем походе 1655 г. И. Б. Бутурлина на территорию Западной Украины и, скорее всего, уже после него (возможно, в результате потрясения от гибели семьи в Москве во время эпидемии чумы 1654 г.) постригся в монашество в киевском Межигорском монастыре. Однако и после этого он не порывал связи с армией: его младший брат Иван Меньшой Петрович Савелов в декабре 1663 г. служил ротмистром в рейтарском полку С. А. Зубова [Там же, с. 34], что было фактически потолком карьеры для русских офицеров. Таким образом, будущий патриарх был тесно связан

с русской офицерской средой, недовольной иноземцами, как правило, затруднявшими ей доступ к штаб-офицерским чинам.

Случайно ли, что именно после того, как Иоаким стал в 1674 г. патриархом, в годы Русско-турецкой войны 1673–1681 гг. отчетливо проявился курс на формирование собственного офицерского корпуса и начал формироваться русский генералитет полков «нового строя»¹³? Именно тогда генералами стали русские А. А. Шепелев, В. А. Змеев и М. О. Кровков, причем двое последних были сослуживцами Иоакима по рейтарскому полку фан Буковена. Курс этот усилился в царствование Федора Алексеевича («москвиты сделались сведущими в эзерцициях и больше не хотят ни иностранных солдат, ни офицеров» [Лефорт, с. 49¹⁴]) и серьезно осложнил карьеру Ф. Лефорта, лишь ценой связей среди русской аристократии и удачной брачной стратегии попавшего на службу в чине всего лишь капитана. Однако он был нивелирован политикой экономии на жалованьи русских офицеров [Петрухинцев, 2014b, с. 286–288; Рогожин, 2013, с. 74–79], а после династических кризисов 1682 и 1689 г. патриарха ждал еще один неприятный сюрприз: «русская половина» генералов оказалась «вымыта» из состава генералитета, снова ставшего исключительно иностранным.

М. О. Кровков стал жертвой стрелецкого восстания 1682 г., после которого был вынужденно отставлен от полка по требованию своих солдат и отправлен в ссылку на воеводство в Якутск. Генерал-аншеф «думный генерал» А. А. Шепелев умер в начале 1689 г. [Малов, с. 110, 118¹⁵], а В. А. Змеев и Г. И. Косагов перешли в думные чины, получив окольниковство, более престижное, чем ранги генерала, и, кроме того, в сентябре 1689 г. попали в опалу как приближенные В. В. Голицына. В то же время группировка таких же его фаворитов из среды иноземного офицерства не только не пострадала, но даже усилила свои позиции в руководстве армии. Гордон вызывал раздражение Иоакима еще и тем, что был одним из инициаторов союза со Священной лигой и Крымских походов, против которых активно выступал Иоаким, а также тем, что приложил руку к устранению украинского гетмана Ивана Самойловича, с которым были тесно связаны патриарх и «партия Петра» [Бушкович, с. 153–155, 157; Петрухинцев, 2014с, с. 25]. Неудивительно, что сближение царя с кланом Гордона вызвало серьезное противодействие патриарха.

Начало европеизации быта Петра I

Смерть патриарха стала еще одним толчком к дальнейшему усилению влияния гордоновского клана и к бытовой европеизации Петра. Последняя нарастала постепенно, начавшись с не столь резко

¹³ Первый русский генерал В. А. Змеев был пожалован в генерал-майоры именно в конце 1674 г. [Рогожин, 2015, с. 83].

¹⁴ Письмо Ф. Лефорта брату Ами от 16 октября 1677 г.

¹⁵ По другим сведениям, умер около 1694 г. [Рогожин, 2015, с. 92].

противоречивших традиции и уже опробованных в ходе культурных реформ Федора Алексеевича образцов одежды.

Единичный эпизод с заказом «немецкого платья» в более ранний период (в феврале 1687 г.) вряд ли свидетельствует о тогдашнем большом интересе Петра к иноземным стандартам в одежде – возможно, оно даже предназначалось не для самого юного царя. Об этом свидетельствует низкая стоимость платья – всего 5 алтын (15 копеек); даже провоз его всего на пару верст из Немецкой слободы обошелся едва ли не дороже стоимости самого кафтана (в 3 алтына) [Бобровский, 1900b, с. 19]. Не исключено, что предназначалось оно для кого-то из рядовых «потешных». Но и немецкое платье для потешных тоже шьется лишь с сентября 1688 г. [Бобровский, 1900b, с. 32].

В приказной документации проводится четкое отличие «потешного» платья от «немецкого», и в первые месяцы сближения с иноземцами Петру шилось именно платье «потешное» (возможно, ориентированное скорее на венгерский или польский образец). Однако через две недели после смерти Иоакима 1 апреля 1690 г. ему шьют уже не потешное, а первое *немецкое* платье, которое обходится в 8 руб. 98 коп.¹⁶ Сукно для него (а также парик) покупаются у *генерала* Франца Лефорта. Это первое известное свидетельство о достаточно раннем (до 1 апреля 1690 г.) пожаловании Лефорта в генерал-майорский чин и о сближении с ним Петра. Скорее всего, Лефорт был произведен в генерал-майоры вскоре после смерти патриарха, в промежутке с 17 марта до 1 апреля 1690 г. С этого момента он явно опережает во влиянии на государя зятя Гордона Родиона Штрасбурга, который, несмотря на совместную работу с Петром над фейерверками, остается в чине полковника. Возможно, что и культурные стандарты Петра начинают меняться уже тогда, в первую очередь именно под влиянием Лефорта. Сближение усиливается и тем, что Гордон и Лефорт стараются быть как можно ближе к Петру и принимают активное участие в начавшемся только тогда формировании и обучении ядра будущих Преображенского и Семеновского полков.

Еще одним рубежом становится русское «новолетие»: после начала 1 сентября 1690 г. нового года в дневнике Гордона впервые зафиксировано посещение Петром Немецкой слободы и обед у Лефорта (3 сентября); 23–24 сентября после серии первых больших маневров еще только формировавшихся и пока крайне немногочисленных потешных частей в Преображенском (всего несколько рот лишь с шестью сержантами без офицеров) [Бобровский, т. 1, с. 190–192] Петр впервые принимает участие в публичной церемонии в Слободе – в свадьбе дочери Патрика Гордона Мэри [Гордон, 2014, с. 27–29].

¹⁶ Здесь и далее в характеристике костюма и быта Петра приводятся мои наблюдения и расчеты, составленные по данным о закупках одежды, материалов и предметов быта для Петра, обобщенным П. О. Бобровским, обработавшим и несколько иначе систематизировавшим сведения Г. В. Есипова [Бобровский, т. 1, прим, с. 17–19, 29–30, 71–78].

Именно с осени 1690 г. облик Петра и его гардероб начинают меняться все заметнее. За 1690 г. ему было сшито как минимум 13 комплектов верхней одежды (три раза упоминаются немецкое платье и немецкий кафтан) и десять «потешных» кафтанов, однако большинство из них – пять из десяти – уже в декабре. В целом на костюм за 1690 г. было потрачено 366 руб. 79 коп., большей частью на закупку «немецкого» платья (как минимум 281 руб. 30 коп., то есть 76,7 %). Однако расходы на «потешное платье» и сапоги, пошитые в дворцовых мастерских, нам неизвестны. Работа здесь практически не оценивалась; даже стоимость материалов учитывалась лишь в 17 случаях из 40 упоминаний о новых предметах одежды (то есть в 42,5 %). В итоге реальная стоимость «потешных» комплектов одежды, сшитых русскими мастерами, была весьма существенно занижена, и общая стоимость «потешного» и «немецкого» гардероба Петра в 1690 г. вряд ли составляла менее 500 руб.

В следующем 1691 г. гардероб Петра обновляется еще сильнее: за этот год ему было сшито не менее 33–35 комплектов одежды (один верхний кафтан «неизвестного манера», все другие – «потешные» и «немецкие»), в том числе не менее 11 теплых кафтанов (три – на белищем меху, шесть – «на лисе хребтовой и чернобурке», два – на песце, один – «на собольих пупках»). Стоимость меха и кафтанов снова, как правило, не указана, но даже по учтенным расходам на гардероб Петра было потрачено как минимум 885 руб. 14 коп., при этом было куплено 552,5 аршина (392 м) разных материалов (от тканей до шнура и лент). Гардероб Петра в этом году явно обошелся более тысячи рублей.

Однако в 1691 г. происходят решительные перемены: «немецкое» и «потешное» платье приобретают в гардеробе царя равные права. Ему шьется не менее 17 единиц «потешной» верхней одежды и не менее 18 комплектов «немецкой». Он уже, очевидно, чаще появлялся в «новоманерной» одежде, и реже – в традиционной. Если в 1690 г. «немецкое» платье покупалось в Немецкой слободе, то с февраля 1691 г. его начинают шить в дворцовых мастерских.

Именно в период с декабря 1690 по январь 1692 г., когда фавор Лефорта уже для всех становится очевидным, и его фиксируют иностранные дипломаты, 18–19-летний Петр превращается в настоящего щеголя: за это время ему покупается и шьется не менее 41 комплекта одежды (в среднем по три в месяц).

Цветовая гамма этой одежды (см. диаграммы 1–3 на цветной вклейке) тоже отражает переходный характер периода только еще начинавшейся европеизации – в целом в верхней одежде по-прежнему доминируют яркие цветовые тона, характерные для праздничного костюма традиционных обществ, с довольно большой долей оттенков красного (почти треть, 29 %). Яркие тона характерны прежде всего для «потешных» кафтанов Петра, где они безусловно преобладают – оттенки красного составляют здесь почти половину цветовой гаммы (45 %). Появившийся в основном уже во второй половине 1691 г.

зеленый, возможно, свидетельствует о начавшемся складывании мундирных цветов преображенцев. Немецкое платье отличается более сдержанной цветовой гаммой: в нем преобладают черный и «дикий цвет» (серебристо-серый или серо-стальной) и крайне невелика доля ярких декоративных цветов (не более трети).

Гардероб Петра дополняется «потешной» и «выходной» обувью. За первых два года «бытовой европеизации» (то есть за период с ноября 1689 г. по май 1691 г., после которого шитье обуви почти прекращается) для него шьют по меньшей мере 129 пар обуви (в среднем по 5–6 пар в месяц), для которых закупают не менее 44–45 юфтей почти исключительно алого и красного сафьяна. При этом он пока сохраняет пристрастие к традиционной форме обуви – сапогам (в приказной документации – «чоботам»): пять пар алых сафьянных башмаков составляют лишь 4 % всей пошитой для него обуви. В шитье сапог проявляется та же тенденция, что и в костюме, – почти две трети их (60,5 %) составляют «потешные чоботы», и только четверть (24 %) – «выходные». Цветовая палитра обуви не отличается таким разнообразием, как цвета верхней одежды, но в целом соответствует доминирующей гамме в костюме, особенно в «потешном»: это свойственные аристократической обуви алые и красные тона (с очень незначительной долей вишневого и лазеревого) и, видимо, полное отсутствие черного.

В этот период 18–19-летний Петр I отнюдь не выглядит аскетом – он уделяет серьезное внимание своему повседневному гардеробу, достаточно качественному и не слишком дешевому (средний костюм, вероятно, обходится не менее 50 руб.). Однако с весны 1692 г. этот юношеский интерес к модной одежде угасает, закупки материалов и пошив одежды резко сокращаются в объемах [Бобровский, т. 1, прим., с. 74]. К 20 годам Петр утрачивает интерес к щегольству и, вероятно, продолжает носить сшитые в предшествующий период костюмы, переключившись с внешних сторон «бытовой европеизации» на более серьезные занятия – именно в это время завершается формирование Преображенского и Семеновского полков [Бобровский, т. 1, с. 196], он становится частым гостем в Немецкой слободе, а новый, приближенный к европейскому стиль одежды превращается для царя в привычную повседневность.

«Бытовая европеизация» отнюдь не была безобидным явлением – благодаря своей публичной наглядности она вела к резкому разрыву с предшествовавшей традицией и, в силу ее стремительного характера, по-видимому, была неожиданностью для преимущественно традиционалистской группировки, ориентировавшейся на победу Петра. Преодоление глухого сопротивления этой группировки, совпавшее с эпохой юношеского максимализма, несомненно, стало важным фактором в становлении личности царя, формируя его характер и установку на независимость в любых сферах деятельности.

Итак, европеизация Петра I началась сравнительно поздно и была связана с политической борьбой, неожиданно вынесшей в ближнее

окружение пока еще не слишком самостоятельного в государственных делах царя группировку иноземцев – бывших фаворитов его противника В. В. Голицына, сумевших благодаря сближению с юным государем уцелеть в схватке, сопровождавшей династический кризис 1689 г. В отличие от русских клиентов сиятельного князя, в силу своей маргинальности и незначительности политического веса в обществе группировка эта не расценивалась русской элитой как серьезная угроза, а потому не только выжила, но и постепенно сумела увеличить свое влияние благодаря личным связям с царем, оставаясь, однако, вместе с ним еще целое пятилетие на периферии политического процесса.

Для самого Петра европеизация началась в том возрасте, когда происходит активное формирование личности и основных жизненных установок, и именно потому, возможно, оказалась более последовательной и прочной, чем если бы она стартовала в более ранний период и превратилась уже тогда в рутину и обыденность.

Список литературы

Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка : в 4 т. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900–1904. Т. 1. 380 с. Приложения к т. 1. 260 с.

Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. М. : Наука, 2005. Т. 1. 535 с.

Болтунова Е. Ю. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 350 с.

Булычев А. А. О светской карьере будущего московского патриарха Иоакима Савелова // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 33–35.

Бушкович П. Петр Великий : Борьба за власть (1671–1725). СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 541 с.

Гордон П. Дневник. 1659–1667. М. : Наука, 2003. 314 с.

Гордон П. Дневник. 1677–1678. М. : Наука, 2005. 233 с.

Гордон П. Дневник. 1684–1689. М. : Наука, 2009. 336 с.

Гордон П. Дневник. 1690–1695. М. : Наука, 2014. 618 с.

ДАИ: в 12 т. Т. 5. СПб., 1853. 538 с.

Есинов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Университет. тип., 1872. Т. 1. 1872. 421 с.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах : Заключение договора о вечном мире. М. : Индрик, 2008. 502 с.

Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив Ф. А. Куракина : в 10 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1. С. 39–100.

Лефорт Ф. Сборник документов и материалов. М. : Древлехранилище, 2006. 568 с.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории : 1656–1671. М. : Древлехранилище, 2006. 622 с.

Мышлаевский А. З. Выезд в Россию Франца Лефорта // Рус. старина. 1898. № 3. С. 635–643.

Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Утверждение династии. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 231–406.

Петрухинцев Н. Н. К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича // Война и оружие : Новые исследования и материалы : тр. четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. : в 4 ч. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 502–523.

Петрухинцев Н. Н. Военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние на военные формирования на территории Липецкого края // Вехи минувшего : уч. зап. ист. ф-та Липецк. гос. пед. ун-та. Липецк : ЛГПУ, 2014а. С. 101–133.

Петрухинцев Н. Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» русской армии (1663 г.) // *Quaestio Rossica*. 2014б. № 2. С. 263–292.

Петрухинцев Н. Н. Путь к Тавриде // *Родина*. 2014с. № 12. С. 22–26.

Рогожин А. А. Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в 1660–1680-х гг. // *Война и оружие : Новые исследования и материалы : тр. четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. : в 4 ч.* СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 66–79.

Рогожин А. А. Генералы полков «нового строя» в 1650–1690-е гг. // *Русская военная элита : сб. ст. М. ; Севастополь : Шико-Севастополь, 2015. С. 79–96.*

Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках : в 4 т. СПб. : Археологич. комиссия, 1884–1893. Т. 1. 1884. 672 с.

Романов М. Ю. Стрельцы московские. М. : Изд-во ГПИБ, 2004. 350 с.

Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 8 т. СПб. : Тип. II-го отд. Собственной Его Императ. Величества канцелярии. 1858–1863. Т. 2. 1858. 588 с.

Poe M. T. *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. 1613–1713. Helsinki : Finn. Acad. of Sciences and Letters, 2004. Vol. 1. 469 p.

References

Bobrovsky, P. O. (1900a). *Istorya Leib-gvardii Preobrazhenskogo polka: v 4 t.* [The History of the Lifeguard Preobrazhensky Regiment: 4 Vols.]. 380 p. Appendices to Vol. 1. 260 p. St Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1900–1904. Vol. 1.

Bogoslovsky, M. M. (2005). *Petr Velikiy. Materialy dlya biografii: v 6 t.* [Peter the Great: Materials for a Biography: 6 Vols.]. 545 p. Moscow, Nauka, Vol. 1.

Boltunova, E. Yu. (2011). *Gvardia Petra Velikogo kak voennaya korporatsiya* [Peter the Great's Lifeguard as a Military Corporation]. 350 p. Moscow, RGGU.

Bulychev, A. A. (2009) O svetskoy kar'yere buduschego moskovskogo patriarkha Joakima Savelova [On the Secular Career of the To-be Patriarch of Moscow Joachim Savyolov]. In *Drevnyaya Rus' . Voprosy medievistiki*. Iss. 4, pp. 33–35.

Bushkovitch P. (2008). *Petr Velikiy. Bor'ba za vlast' (1671-1725)* [Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725]. 541 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667 [Diary. 1659–1667]* 314 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2005). *Dnevnik, 1677–1678 [Diary. 1677–1678]*. 233 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2009). *Dnevnik, 1684–1689 [Diary. 1684–1689]*. 336 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2014). *Dnevnik, 1690–1695 [Diary. 1690–1695]*. 618 p. Moscow, Nauka.

DAY (1853). [Addenda to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission: 12 Vols.]. Vol. 5. 538 p. St Petersburg.

Esyrov, G. V. (1872). *Sbornyk vypisok iz archivnykh bumag o Petre Velikom* [A Collection of Excerpts of Archival Documents on Peter the Great: 2 Vols.]. Vol. 1, 421 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Kochegarov, K. A. (2008). *Rzech' Pospolitaia i Rossia v 1680–1686 godach : Zaklyuchenie dogovora o vech'nom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia between 1680 and 1686: An Eternal Peace Agreement]. 502 p. Moscow, Indrik.

Kurakin, B. I. (1890). *Gistoria o zare Petre Akseevich'e i blyjnikh k nemu ludyach, 1682–1694* [A History of Tsar Peter Alekseevich and His Retinue, 1682–1694, 10 Vols.]. In *Archiv F. A. Kurakina*, St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, Vol. 1, pp. 39–100.

Lefort, F. (2006). *Sbornik dokumentov i materyalov* [A Collection of Documents and Materials]. 568 p. Moscow, Drevlechranilich'e.

Malov, A. V. (2006). *Moskovskie vy'borny'e polki soldatskogo stroya v nachalniy period svoej istorii : 1656–1671* [Moscow Selected Regiments of Soldierly Formation at the Beginning of Its History: 1656–1671]. 622 p. Moscow, Drevlechranilich'e.

Myschlaevsky, A. Z. (1898). *Vyezd v Rossiyu Franza Leforta* [Franz Lefort's Trip to Russia]. In *Russkaya starina*. Iss. 3, pp. 635–643.

Opisanye vtorogo posol'stva v Daniyu datskogo poslannika Gansa Oldelanda v 1659 g. [A Description of the Second Mission of Danish Envoy Hans Oldeland in 1659]. In *Utverzhdenye dynastii* (1997). Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 231–406.

Petrukhintsev, N. N. (2013). K karakteristike formirovanij “novogo stroya” nakanune voennykh reform Alekseya Mihailovovicha [On the Characteristics of the “New Order” Formation on the Eve of the Military Reforms of Aleksey Mikhailovich]. In *Voina I oruzhie: novy’e issledovaniya I materially*: Trudy’ chetvertoj mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii: sb. st. St Petersburg: VIMAViVS. Part 3, pp. 520–523.

Petrukhintsev, N. N. (2014a). Voennaya reforma Alekseya Mihailovicha i ee vliyanie na voennye formirovaniya na territorii Lipezkogo kraja [The Military Reform of Aleksei Mikhailovich and Its Influence on the Formation of Lipetsk Krai]. In *Vekhi minuvshogo. Ucheny’e zapiski istoricheskogo fakul’teta Lipezkogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Lipetsk: Vekhi minuvshogo, Proceedings of the Faculty of History of Lipetsk State Univ., LGPU, pp. 101–133.

Petrukhintsev, N. N. (2014b). “Finansy voyny” i ofizerskiy korpus polkov “novogo stroya” russkoy armii (1663 g.) [‘War Finance’ and the Officer Corps of the ‘New Order’ Regiments in the Tsar Aleksey Mikhailovich’s War Reform (1663)]. In *Quaestio Rossica*. Iss. 2, pp. 263–292.

Petrukhintsev, N. N. (2014c). Put’ k Tavride [The Way to Taurida]. In *Rodina*. Iss. 12, pp. 22–26.

Rogozhin, A. A. (2013)ю Denezhnoe zhalovanie nach’alny’h ludej polkov “novogo stroya” v 1660–1680-h gg. [Wages of the Junior in the Regiments of “New Order” between the 1660s and 1680s] In *Voina I oruzhie: novy’e issledovaniya I materially*. Trudy’ chetvertoj mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii: sb. st. [War and Weapon: New Research and Materials. Proceeding of the Fourth International Research and Practice Conference: A Collection of Articles]. St Petersburg, VIMAViVS. Part 4, pp. 66–79.

Rogozhin, A. A. (2015). Generaly polkov “novogo stroya” v 1650–1690-e gg. [Generals of the New Order Regiments between the 1650s and 1690s]. In *Russkaya voennaya elita*. Coll. of art. Moscow-Sebastopol’, Shiko-Sevastopol’, pp. 79–96.

Rosysknye dela o Fedore Schaklovitom i ego soobschnikah (1884) [Wanted Person Case for Fyodor Shaklovity and His Accomplices: 4 Vols.]. Vol. 1, 672 p. St Petersburg, Arkheologicheskaya komissiya.

Romanov, M. Yu. (2004). *Strel’cy moskovskie* [Moscow Streltsy]. 350 p. Moscow, Izdatel’stvo GPIB.

Sedov, P. V. (2008). *Zakat Moskovskogo zarstva. Zarskij dvor konza XVII veka* [The Decline of the Moscow Tsardom: The Court in the Late 17th Century]. 604 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Ustryalov, N. G. (1858). *Istoria zarstvovaniya Petra Velikogo* [The History of Peter the Great’s Reign]. Vol. 2, 588 p. St Petersburg, Tipografiya II-go otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

Poe, M. T. (2004). *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. 1613–1713. Vol. 1, 469 p. Helsinki, Fin. Acad. of Sciences and Letters, Vammala.

The article was submitted on 07.02.2017